

ЭТОВ.

Список литературы

1. *Азыркина Е. И.* Эрянь виздезь. Пелень тиемс пежет... // Мокша. 2013. № 9. С. 101–106.
2. *Девин И.* Критиксь сермады стихт // Мокша. 1995. № 12. С. 3.
3. *Малькина М.* Литературать вандыец ули // Мокша. 1996. № 8–9. С. 80–89.
4. *Меркушкина Л. Г.* Педагог, поэт, ученый // Народное образование. 2002. № 6. С. 146–149.

К. В. Воронцова

Научный руководитель: В. Г. Щукин,
профессор института восточнославянской филологии
Ягеллонского университета (г. Краков)

ЭВОЛЮЦИЯ НЕГАТИВНЫХ СТЕРЕОТИПОВ О ПОЛЬШЕ И ПОЛЯКАХ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Понятие «сверхтекст» в современном литературоведении является очень востребованным и служит ученым прекрасной базой для работы с объемными культурными пластами и локальными мифами, однако все еще требует уточнения. Оно зародилось первоначально в такой сфере науки, как теория информации, а затем распространилось и в гуманитарные дисциплины. В английском языке устоялся термин *hypertext*, который применялся по отношению к системам независимых данных, соединенных между собой гиперссылками. Самым известным гипертекстом на сегодняшний день считается Всемирная паутина, Интернет.

В гуманитарных науках Европы и Америки до последнего времени существовало неразделение терминов «сверхтекст» и «гипертекст», однако Н. Е. Меднис в своих работах по данной проблеме – «Сверхтексты в русской литературе» и «Феномен сверхтекста» – уточняла, что каждая библиотека по сути своей является гипертекстом, так как представляет собой простое множество текстов, в то время как сверхтекст предполагает наличие отношений между отдельными элементами системы. По мнению исследовательницы, сверхтекст представляет собой «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [8, с. 15]. Кроме того, Н. Е. Меднис обязательной характеристикой сверхтекста считала культурную составляющую, понятную и ценную для широкого круга референтов.

А. Г. Лошаков определяет сверхтекст как «ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью автономных словесных текстов, которые в лингвокультурной практике актуально или потенциально

предстают в качестве целостного, интегративного, диссипативного словесно-концептуального образования» [6, с. 102]. При этом он связывает понятие сверхтекста с краевой концептосферой и культурными стереотипами и мифами, характерными для той или иной культуры и сконцентрированными вокруг значимого события, прецедентного имени либо локуса.

После выхода в свет работы В. Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» в российском литературоведении остро встал вопрос о существовании иных локальных текстов. Активно разрабатываются проблемы лондонского [10; 3, с. 65–70], ташкентского [12], московского [4, с. 345–358; 2, с. 102–107] крымского [7], китайского [2, с. 57–61] текста и многих других.

История взаимоотношений между Польшей и Россией всегда была осложнена политическими моментами и негативными стереотипами двух народов друг о друге. Литература и особенно поэзия явились лучшим «зеркалом» этих взаимоотношений на всем протяжении исторического пути, поэтому мы можем логично говорить о существовании польского сверхтекста в русском словесном творчестве и эволюции культурных стереотипов, функционирующих в нем.

В XVIII в. поэзия Российской империи несла четко выраженную идеологическую функцию, поэтому в художественных произведениях времен правления царицы Екатерины II войны с соседними странами изображались не как захватнические, а как имеющие благородную цель – объединить славянские братские народы под российским знаменем. Именно при Екатерине II состоялось три раздела, после которых Польша как государство прекратила свое существование. Официальная поэзия же восхваляла мудрость императрицы, а поляков рисовала в негативном ключе, как смутьянов, бандитов и предателей. Василий Петров, персональный одописец и чтец царицы, по случаю последнего раздела Польше писал в своей оде:

Поправ священные права,
Грозят скрыть храмы и расхитить,
Чужим имуществом насытить
Их алчны руки, рты, чрева.
Грозят во все края достигнуть,
Царей с престолов низложить,
Восстать на твердь, Творца в ней сдвинуть
И в век законом уложить.
Чтоб все на свете были равны;
Все наглы, хищны, зверонравны [9, с. 167].

Разделы Польши поддерживали и одобряли многие русские поэты – Иван Дмитриев, Михаил Херасков, Гавриил Державин и др.

В формировании негативного стереотипа по отношению к полякам

центральное место занимает культурный миф о Лжедмитрии и событиях Смутного времени, в которых полякам противопоставляются героические подвиги русских людей. В. А. Хорев пишет: «Усилиями многих литераторов в конце XVIII – начале XIX в. был создан исторический канон восприятия событий „Смуты“, согласно которому поляки сыграли в них зловещую роль. Этот канон вскоре был развит и углублен в откликах русских писателей на польское восстание 1830 г.» [11, с. 40].

В XIX в. традиция негативного стереотипического восприятия Польши и поляков была окончательно закреплена авторитетнейшими поэтами России – Пушкиным, Жуковским, Тютчевым, Лермонтовым. Они оказали влияние на перцепции культурных текстов «польского вопроса» Российской Империи на несколько поколений вперед.

Так, в стихотворении Василия Жуковского «Русская слава» (1831) мы можем увидеть черты враждебного отношения к полякам и канонической трактовки событий Смуты:

Была пора: *коварный, вражий Лях*
 На Русский трон накликал Самозванца;
 Заграбил все; и Русь в его цепях,
 В Цари позвать дерзнула чужестранца.
 Зачахла Русская земля;
 Ей лях напомнил плен татарский;
 И брошен был венец наш Царский
 К ногам презренным Короля...
 Но крикнул Минин, и с Кремля
 Их опрокинул князь Пожарский [цит. по: 13, р. 109].

Жуковский пишет о подавлении ноябрьского восстания как об историческом мщении за события Смутного времени, сильнее закрепляя существование польского сверттекста русской литературы в сфере «чужого», враждебного к русским. Характеристика «коварный, вражий Лях» становится определяющей для целой культуры России.

Эта стереотипная традиция была продолжена и развита в стихотворении «Клеветникам России» А. С. Пушкина, который описал взаимоотношения двух народов как историческое противостояние культур и идеологий: «Кто устоит в неравном споре: / Кичливый лях иль верный росс?» [цит. по: 13, р. 111]. Несмотря на то что стихотворение было направлено не против обычных поляков, а против западноевропейских политиков, пытающихся извлечь пользу из Варшавского восстания, в русской ментальности закрепился именно такой психологический стереотип «кичливого ляха», а стихотворение «Клеветникам России» сыграло ключевую роль в его функционировании в умах граждан Российской империи на несколько поколений вперед. Таким образом, художественный текст стал текстом культурным, частью польского сверттекста русской литературы.

Как было замечено выше, данная семантическая установка не менялась на протяжении многих лет, и даже в поэзии XX в. мы можем найти отголоски стереотипов XIX в. Так, например, в сатирических стихотворениях В. В. Маяковского «Окна РОСТА» звучат призывы бить панов, при этом польское уважительное обращение *pan*, обусловленное, в первую очередь, грамматикой языка, расценивается как классовое наименование. Пан – значит враг молодой Комунны.

Следы негативных стереотипов можно обнаружить и в современной русской литературе, однако из-за событий Второй мировой войны, затронувшей многие европейские народы, они изменили свои коннотации. Оппозиция «свой» – «чужой» полностью поменяла культурные ориентиры. По окончании войны Польша стала восприниматься, в первую очередь, как братская страна, пережившая те же трудности, что и Россия, в борьбе с общим врагом.

Стихотворения Пушкина и Жуковского в послевоенной поэзии цитируются неоднократно, однако все чаще в ироническом смысле. Интертекстуальность и обращение к предшествующей литературной традиции можно увидеть в стихотворениях Владимира Леоновича. Ниже представлены два варианта одного и того же текста с разными коннотативными акцентами. Первый вариант называется по первой строчке «„Презренный жид“, „проклятый лях“...», второй – «Патриотичное».

– Ведь Вы Леонов, а под-
писываетесь Леонович.
– Нет... Но в чем-то вы
правы.

Из разговора

«Презренный жид», «проклятый лях»...
А я прямою и тощаю
и Достоевского прощаю,
хоть улыбаюсь на полях:
да ты и сам хороший пыщ,
да, да, Тургенев прав – и столь же
греховно горд и слезно нищ
как каждый третий в скорбной Польше.
Да, я пребуду гордый лях,
пока, по слову Пастернака,
стоите вы на костылях
и ваша мебель – не иначе.
Без костылей не ходит стих,
что, черт возьми, всего грустнее.
Оставшись на своих двоих,
однако, я де-ре-ве-нею...
Вгоните – клином в землю – гроб –
снесу и это неудобство,

Достоевский, милый пыщ...
Тургенев

«Презренный жид», «проклятый лях»...
Жидовствую, кичусь, нищаю.
Любимых классиков прощаю,
хоть улыбаюсь на полях:
Иван Сергеевич – ми'лый пыщ,
а Достоевский – нет, и столь же
визгливо горд и слезно нищ,
как шляхтич в оскорбленной Польше.
Мне любо: я и жид, и лях
по самой сути и для слога –
покудова на костылях
вся чернь стоит четвероного.
Лакей спесив, холоп надут,
хам величав поуще пы'ща,
но миг! – и к ручке припадут,
и лобызают голенища.
Стоять – так на своих двоих.
Сидеть – так на своей костлявой.
О том свидетельствует стих,
не оскверненный их халявой.
Стоймя заклиньте в землю гроб!

пока ведется хоть микроб
 великорусского холопства!
 (не позже 1992)
 [цит. по: 13, р. 359]

Снесу такое неудобство,
 пока ведется хоть микроб
 великорусского холопства.
 (2004) [5, с. 25]

Мы видим здесь элементы литературной игры, благодаря которой поэт спорит с ценностными установками, заложенными в тексте Пушкина. Владимир Леонович по отцу имеет польские корни, поэтому сам себя иронически именует «“Презренный жид”, “проклятый лях”». Первый вариант стихотворения, более ранний, существует как перепечатка рукописи, второй вариант, более поздний, издан в журнале «Знамя». Как мы видим, многие строки понесли значительные изменения, однако основная интенция автора – спор с классиками русской литературы – осталась прежней, хотя и приняла более радикальный и жесткий характер.

В первом варианте поэт сравнивает поляков с Тургеневым, во втором – с Достоевским. Это отсылка к эпиграмме, которую Тургенев с Некрасовым адресовали еще начинающему будущему великому классику русской литературы, высмеяв его гордыню («милый пыщ» – напыщенный, самодовольный). На этом же основании Леонович называет самого себя «гордый лях». В его интерпретации (и наиболее сильно – во втором варианте стихотворения) гордыня, бунтарство, нежелание быть холопом становятся положительными чертами, несмотря на исторически сложившийся канон восприятия. Как и Пушкин, Леонович противопоставляет поляков русским, однако находит отрицательные черты именно у последних, считая «великорусское холопство» наихудшим преступлением.

Можно считать первый и второй вариант стихотворения единым культурным текстом, несомненно имеющим отношение к польскому свертхтексту. Более ранний вариант направлен на борьбу с ксенофобией и полонофобией, антисемитизмом русского народа, сложившихся в русской классической литературе. Второй вариант охватывает уже более глобальные темы, восходящие скорее уже к «Пророку» Пушкина, священной роли поэта быть бунтарем и не быть ничьим холопом. В этом смысле мятежная Польша, борющаяся за свою независимость и самоидентификацию, является образцом для подражания. И если сначала Леонович называет Польшу «скорбной», то позднее ставит вопрос острее, жестко оценивая русскую политику и русскую литературу в целом, и называет ее уже «оскорбленной». Эта семантическая игра мерцающих смыслов является отражением изменившихся после Второй мировой войны установок в описании польского народа. Скорбь становится основной характеристикой Польши в литературе после 1945 г.

Таким образом, мы можем говорить об эволюции традиционных негативных стереотипов в русской послевоенной поэзии.

Список литературы

1. *Веселова И. С.* Логика московской путаницы (на материале московской «несказочной» прозы конца XVII – начала XX вв.) // Москва и «московский текст» русской культуры. М., 1998. С. 102–107.
2. *Воронцова К. В.* Литературный Китай в стихах Елены Шварц // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы : сб. материалов II Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Уссурийск, 2011. С. 57–61.
3. *Воронцова К. В.* «Петербургский миф» в поэзии Елены Шварц и «Лондонский миф» в прозе Питера Акройда // Образовательные технологии в виртуальном лингвокоммуникативном пространстве : сб. науч. докл. IV Междунар. виртуальной науч.-практ. конф. по русистике, литературе и культуре (США, Вермонт, Мидлбери колледж и др.). Ереван, 2011. С. 65–70.
4. *Калмыкова В. В.* Москва и «немосквичи», или Необычайно правдивая история превращения города в книгу, записанная новожилами его быта и бытия // Город и люди: Книга московской прозы. М., 2008. С. 345–358.
5. *Леонович В.* Та самая // Знамя. 2004. № 6. С. 23–25.
6. *Лошаков А. Г.* Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 11. С. 102–115.
7. *Люсый А. П.* Крымский текст в русской литературе. СПб. : Алетейя, 2003. 314 с.
8. *Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : ННРУ, 2003. 169 с.
9. *Петров В. П.* Соч. : в 3-х т. Т. 2. СПб. : В медицинской типографии, 1811. 283 с.
10. *Прохорова Л. С.* Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: [б. и.], 2005. 21 с.
11. *Хорев В. А.* Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки. М. : Индрик, 2005. 232 с.
12. *Шафранская Э. Ф.* Ташкентский текст в русской культуре. М. : Арт Хаус Медиа, 2010. 301 с.
13. *Orłowski J.* Miecze i gałązki oliwne : antologia poezji rosyjskiej o Polsce (Wiek XVIII – XX). Warszawa : Wydawnictwa szkolne i pedagogiczne, 1995. 448 p.

Е. В. Катаева

Научный руководитель: А. А. Арустамова
доктор филологических наук, профессор (ПГНИУ)

РОЛЕВОЙ ГЕРОЙ В ПОЭЗИИ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Говоря о субъектной организации лирики Я. П. Полонского, нельзя не коснуться произведений, относящихся к ролевой лирике. Исследуя ее своеобразие, в качестве теоретической базы мы использовали исследования Б. О. Кормана, С. Н. Бройтмана, А. А. Моисеевой, И. А. Каргашина. **Герой ролевой лирики** присутствует в тех стихотворениях, где носитель речи, которому принадлежит высказывание, «открыто стоит, выступает в качестве “другого”» [2, с. 144]. Здесь автор высказывается «не от своего лица, а от лица разных героев. <...> Он присутствует в стихотворениях, но скрыто, как бы растворившись в своих героях, слившись с ними» [5,